

Заглавие документа:

Уланович О.И. ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК ФОРМИРОВАНИЕ АВТОНОМНО ФУНКЦИОНИРУЮЩЕГО ИНОЯЗЫЧНОГО РЕЧЕВОГО МЕХАНИЗМА // Актуальные проблемы современного научного знания. Материалы III Международной научной конференции, Пятигорск, 11-12 января 2010 г. – Пятигорск: ПГЛУиздат, 2010. – С. 352 – 357.

Авторы: Уланович, Оксана Ивановна

Тема: Психология речи

Дата публикации: 2010

Издатель: Пятигорский государственный лингвистический университет

Аннотация: *Способность создавать и понимать вербальные сообщения выступает важнейшим объективным и достоверным критерием владения языком. Степень свободы языка на уровне текста определяется наряду с индивидуальным богатством вербальных знаний еще и владением субъектом системой операциональных процедур (интеллектуальных действий и операций), которые в совокупность составляют работу речевого механизма. Проведенные исследования доказывают ошибочность предположения о наличии переноса речевого механизма, обеспечивающих вербальную деятельность на родном языке на осуществление иноязычной речевой деятельности. Анализ теоретических и эмпирических данных позволяет полагать, что координативный билингвизм / полилингвизм предполагает существование в сознании человека отдельных по языкам блоков декларативного вербального знания и процедурных блоков речевых механизмов. Все кодовые системы по языкам формируются, существуют и функционируют автономно, что не исключает их взаимосвязи, опосредованной рабочей памятью.*

О.И. Уланович

**ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
КАК ФОРМИРОВАНИЕ АВТОНОМНО ФУНКЦИОНИРУЮЩЕГО
ИНОЯЗЫЧНОГО РЕЧЕВОГО МЕХАНИЗМА**

Традиционное языкознание тяготеет к кабинетному изучению языка и речи и в значительной степени акцентирует свое внимание на описании внутреннего строения и построения этих явлений. Язык рассматривается

как сложная, иерархическая система единиц с соподчинительной функцией их различных уровней, речь – структурированная реализация взаимосвязи языковых единиц в единичном акте речепорождения. При этом овладение и владение человеком языком представляются механической проекцией *процесса* изучения этой системы, «инвентаря языковых средств» (Ф. де Соссюр), и его *результата* (речи). Однако при таком подходе за бортом оказывается человек, носитель языка – субъект речевой деятельности.

Ключевым моментом развития языковой способности человека, а также важнейшим этапом речевого онтогенеза языковой личности выступает ее становление как субъекта *текстовой деятельности* [3]. Вся речевая деятельность человека, начиная с 6-летнего возраста (именно этот возраст определен как переходный момент в онтогенезе речи) представляется процессами восприятия и порождения текстов. Ребенок по Н.И. Жинкину «выходит в открытый текст как космонавт в космос» [4, с. 24]. При этом текст рассматривается в рамках науки о языке и речевой деятельности в самом широком смысле как связная, цельная, динамичная последовательность знаков (как естественных языковых, так и невербальных), используемая для обеспечения общения.

Разделяя мнение Ю.М. Лотмана, что «язык есть порождение текста на определенной стадии его функционирования» [6, с. 4], можно утверждать, что способность создавать и понимать вербальные сообщения выступает важнейшим объективным и достоверным критерием владения языком. Процесс и результат усвоения иностранных языков только подтверждает эту идею: подлинное владение языком отмечается только тогда, когда учащийся свободно строит собственные вербальные высказывания (тексты) и живо понимает иноязычную речь. Подобно этому способность создавать и понимать живописные или музыкальные произведения – тексты в широком семиотическом смысле – есть показатель уровня владения субъектом языком живописи или музыки.

По мнению Л.Н. Мурзина «достижение высокой степени свободы языка на уровне текста – есть не только цель, но и непереносимое условие владения языком» [7, с. 40]. *Степень свободы языка на уровне текста*, предположительно, определяется наряду с индивидуальным богатством вербальных знаний (а одних только знаний системы языка явно недостаточно для осуществления текстовой деятельности) еще и владением субъектом системой операциональных процедур (интеллектуальных действий и операций), которые в совокупность составляют работу речевого механизма.

В последнее десятилетие использование термина «механизм» стало особенно популярным для описания формирования и функционирования когнитивно-речевых процессов. При этом *речевой механизм*, в целом, рассматривается как реализация человеком его языковой способности для целей коммуникации и мышления, которая осуществляется в процессах

порождения и восприятия (и понимания) речи, текстов. *Механизм восприятия речи* (текста) можно определить как скрытый психический процесс, сложную умственную деятельность, представленную системой взаимодействующих ментальных действий по освоению представленной в речевом произведении информации. Это своего рода программы операциональных процедур, обеспечивающих «перевод» воспринимаемого сообщения с языка естественного на индивидуальный «язык смыслов».

Анализ психологической литературы, опыт преподавания иностранного языка, а также результаты эмпирических исследований позволяют выделить следующие наиболее очевидные интеллектуальные процедуры – составляющие механизма восприятия речи: а) идентификация звуков (букв), б) идентификация звуко-(букво-)сочетаний, в) выяснение значений, г) выяснение смыслов, д) интеграция единиц на всех уровнях текста (фонетическом, лексическом, синтаксическом, макроуровне), е) интерпретация, ж) моделирование, з) программирование развития текста. Принципиально важно то, что все эти вербально-когнитивные действия носят прогностический характер и реализуются по следующей схеме выполнения операций: формирование гипотезы – контроль – принятие решения. Построение гипотезы, прогноз – главный операционный шаг в перцепции текста. Гипотеза выдвигается реципиентом на основе его индивидуального речевого опыта и затрагивает разные уровни текста – фонетический, лексический, грамматический, распространяется не только на предвосхищение значения или формы единиц языка и речи, но и шире: на синтез единиц текста (упреждающий синтез) и установление смысла словосочетаний, предложений, содержательно-смысловой целостности всего речевого произведения. Имеет место построение реципиентом выводов, принятие им смысловых решений на всех уровнях текста.

Восприятие речи / текста – есть не пассивный, а активный процесс, сложная интеллектуальная деятельность прогностического характера, которая представлена иерархично организованными действиями по языковому, речевому и смысловому прогнозированию. К выделяемым в связи с этим И.Н. Гореловым и К.Ф. Седовым «языковой и речевой вероятности» [2] можно добавить и наличие «смысловой вероятности» как гипотетическое моделирование, интерпретация и программирование развития события. Интеллектуальные процедуры на макроуровне текста предполагают установление пространственно-временных, причинно-следственных и других связей и отношений, отображенных в сообщении, через усмотрение соответствий языковых и логических категорий (субъекта, предиката, атрибута, времени, связей и т.д.).

Примечательно, что при обучении восприятию иноязычной речи (аудированию и чтению) преподаватели уделяют слишком большое

внимание внешней методической организации процесса работы над текстом (чтение, перевод, вопросно-ответная форма контроля, пересказ). При этом фактически игнорируются процессы внутреннего порядка, между тем, формирование именно операциональных прогностических умений, составляющих механизм понимания речи, особенно важно для развития полноценной иноязычной текстовой деятельности учащихся. Используемая в настоящее время методическая организация работы с иноязычным текстом, очевидно, оправдывается предположением о наличии переноса речевого механизма (как комплекса интеллектуальных действий, обеспечивающих речевую деятельность на родном языке) на осуществление иноязычной речевой деятельности. Однако исследования показывают, что это заблуждение.

Так, анализ результатов проведенного эмпирического исследования выявил заметное различие в понимании родной и иноязычной речи как у учащихся среднего (10 – 11 лет), так и завершающего (15 – 16 лет) этапов изучения иностранного языка в лингвистической гимназии. Специально разработанная методика исследования позволила фиксировать не просто качество понимания родной и иноязычной речи, а получить сравнительные качественно-количественные показатели понимания отдельно по критериям адекватности, полноты и глубины. Такие данные позволяют судить о неравноуспешности использования учащимися операциональных процедур при понимании родной и иноязычной речи. Учитывая, что языковой экспериментальный материал оптимально соответствовал уровню языковых знаний учащихся, то в случае использования человеком единой системы когнитивных процедур при восприятии родной и иноязычной речи, результаты понимания текстов на родном и иностранном языке по отмеченным трем критериям должны быть приблизительно равны, выявляя общий возрастной уровень развития интеллекта. В целом, отмечается оптимизация понимания речи у учащихся в период с 10 – 11 лет до 14 – 15 лет, что показывает именно возрастные особенности его формирования и связано с общим интеллектуальным развитием ребенка. При этом в показателях понимания речи на родном и иностранном языке сохраняется все тот же заметный разрыв. У учащихся формируется *субординационный тип* функционирования механизма понимания иноязычной речи. Это проявляется в осуществлении внутренних операций при посредничестве и контрольной функции родного языка, отсутствии спонтанности при выполнении необходимых прогностических и интеграционных действий. Очевидно, что формирование механизма понимания иноязычной речи у учащихся происходит спонтанно и интуитивно, без целенаправленно и тщательно организованной методической работы.

Будучи обусловленным возрастными особенностями развития интеллекта и выступая при этом принципиально социальным явлением,

механизм понимания родной речи формируется у человека в комплексе составляющих его операциональных процедур прогностического характера интуитивно и поступательно в естественной языковой среде. В.Н. Волошинов определяет процесс овладения родным языком как непрерывный процесс становления сознания в целом. «Индивиды, – отмечает ученый, – вовсе не получают готового языка, они вступают в этот поток речевого общения, вернее, их сознание только в этом потоке и осуществляется впервые» [1, с. 83]. Родной язык не «принимается» детьми, а в нем они впервые пробуждаются.

Только в процессе научения чужому языку готовое сознание – готовое, благодаря родному языку, – противостоит готовому же языку. Однако изучение иностранного языка вовсе не сводится к простому принятию новой знаковой системы. Проведенные исследования доказывают ошибочность предположения о наличии переноса речевого механизма (механизмов восприятия и порождения речи), обеспечивающих речевую деятельность на родном языке на осуществление иноязычной речевой деятельности. Овладение и *координативное* владение иностранным языком, будь-то первым, вторым и т.д., предполагает формирования в сознании отдельной системы операциональных процедур, составляющих работу иноязычного речевого механизма, т.е. автономно функционирующего процедурного блока. Его формирование необходимо наряду с овладением учащимися знанием иноязычной языковой системы (наиндивидуальной объективной системы знаков, правил и норм их функционирования), т. е. декларативными языковыми знаниями.

Законы логики, категории мышления, ключевые логические сущности представляются универсалиями – отражением основных отношений объективной действительности в сознании человека. Ряд ученых полагают, что логика мышления объективируется и обнаруживает себя в глубинной языковой грамматике, что основные мыслительные сущности отражены в грамматиках языков. Именно грамматическая категоризация создает ту концептуальную сетку, тот каркас распределения и функционирования концептуального материала (выраженного вербально-смысловыми единицами сознания), который обеспечивает когнитивно-языковые процессы, в том числе и понимание речи.

Логико-мыслительные сущности «рождаются с чувственным познанием действительности, но оформляются благодаря овладению словом (знаком)» [8, с. 15]. Однако прямого соответствия между мыслительными сущностями и категориями языка нет: первые универсальны, вторые относительны. Даже в одном и том же языке то же смысловое содержание может быть оформлено предложениями разных синтаксических моделей с различным словарным и грамматическим наполнением. А одни и те же языковые знаки могут быть использованы для оформления разных понятий, представлений, идей, отношений.

Отсутствие однозначного соответствия понятия и слова, мысли и ее языкового выражения именуют «асимметричным дуализмом языкового знака» (С. Карцевский). Естественно, что в разных национальных языках существуют различные поверхностные структуры языка для выражения тех же логико-мыслительных сущностей, универсальных по самой природе человеческого мышления.

Координативное владение иностранным языком предполагает установление соответствий мыслительных категорий и поверхностных вербальных структур их выражения в данном конкретном языке без посреднической функции родного языка. Уяснение этих соответствий (заведомо поливариантных) для каждого изучаемого иностранного языка, а также достижение спонтанности «перевода» логико-смысловых отношений в языковые формы их выражения и наоборот знаменует формирование в сознании системы операциональных процедур, составляющих работу иноязычного речевого механизма.

Основываясь на идеях, в тезисной форме высказанных А.А. Леонтьевым, можно предложить следующую картину проявления сознательного и бессознательного в работе речевого механизма. Так, А.А. Леонтьев определил следующие уровни осознанности в речевой деятельности: уровень актуального осознания, уровень сознательного контроля, уровень бессознательного контроля, уровень бессознательного [5]. Смысл и содержание высказывания контролируются на уровне актуального осознания. Работа речевого механизма на уровне сознательного контроля предполагает сознательный подбор соответствующих ситуации, социальной роли и статусу коммуникантов лексических единиц (слов). Применение правил морфологической и синтаксической связности слов (грамматики) осуществляется на уровне бессознательного контроля. Фонация же полностью бессознательна.

При изучении иностранного языка языковые знания усваиваются в процессе их практического использования, начиная с уровня актуального осознания. Путь дальнейшего овладения фонетической системой языка представляется как поэтапное движение через уровни сознательного и бессознательного контроля к чистому бессознательному. Овладение правилами связности речи (грамматикой) представляется движением от уровня актуального осознания через уровень сознательного контроля к уровню бессознательного контроля. Формирование лексического навыка представляется переводом процессов подбора соответствующих слов (при порождении речи) и их декодирования (при восприятии речи) с осуществляемых на уровне актуального осознания к выполняемым на уровне сознательного контроля.

Вышеизложенный анализ теоретических и эмпирических данных позволяет полагать, что координативный билингвизм / полилингвизм предполагает существование в сознании человека отдельных по языкам

блоков декларативного вербального знания и процедурных блоков речевых механизмов, сформированных в ходе усвоения иноязычной знаковой системы. В конце концов, не существует языковых лексико-грамматико-синтаксических универсалий (это однозначно доказали в свое время еще Э. Сепир и Б. Уорф), равно как и не может существовать универсальной вербально-когнитивной кодовой системы (декларативного и процедурного блоков), обеспечивающей вербальное поведение человека на любом языке. Все кодовые системы по языкам формируются, существуют и функционируют автономно, что не исключает их взаимосвязи, опосредованной рабочей памятью.

Литература

1. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов. – Ленинград: Прибой, 1930. – 158 с.
2. Горелов, И.Н., Седов, К.Ф. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.
3. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
4. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 158 с.
5. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – 3-е изд. – М: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
6. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
7. Мурзин, Л.Н., Штерн, А.С. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: УГУ, 1991. – 172 с.
8. Потебня, А.А. Мысль и язык: собрание трудов / А.А. Потебня.—М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.